

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(510)«1949/1962»

П. П. Николаев

ИНДИЙСКИЙ ФАКТОР КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ КИТАЙСКО-БУТАНСКИХ И КИТАЙСКО-СИККИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1949–1962)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье исследуются роль и место Бутана и Сиккима в контексте внешней политики КНР в 1949–1962 гг. Автором была сделана попытка выявить изменения в позиции китайского руководства в отношении указанных государств на фоне постепенного роста напряженности в китайско-индийских отношениях. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: КНР, Китай, Бутан, Сикким, Индия, Тибет, внешняя политика, пограничное урегулирование.

INDIA AS THE KEY FACTOR IN CHINA-BUTAN AND CHINA-SIKKIM RELATIONS (1949–1962)

P. P. Nikolaev

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines the role of Butan and Sikkim in the context of China's foreign policy in 1949–1962. The author has attempted to identify changes in the position of Chinese authorities towards these countries against the backdrop of a gradual rise of tension in Sino-Indian relations. Refs 12.

Keywords: PRC, China, Butan, Sikkim, India, Tibet, foreign policy, border settlement.

К началу 1950-х годов на политической карте мира появились два новых крупных государства — Республика Индия и Китайская Народная Республика. За рассматриваемый в статье период (1949–1962) отношения двух этих стран претерпели ряд радикальных перемен.

В первые месяцы после провозглашения КНР с целью демонстрации своей лояльности СССР китайские власти развернули агитационную кампанию против правительства Дж. Неру, которое рассматривалось советским руководством как «империалистическое». Тем не менее, понимая опасность конфронтации с Индией в период Корейской войны (1950–1953) и в особенности кампании по так называемому «освобождению» Тибета, китайские руководители приняли решение пойти на сближение с Индией и в апреле 1950 г. установили с ней дипломатические отношения.

Стороны признали наличие ряда оставшихся от прошлого проблем в двусторонних отношениях и пришли к согласию сесть за стол переговоров с целью их окончательного разрешения. Итогом переговоров 1953–1954 гг. стало «Соглашение между Индийской Республикой и Китайской Народной Республикой о торговле и сообщении между Тибетским районом Китая и Индией» от 29 апреля 1954 г. Кроме урегулирования вопросов трансграничной торговли и сообщения, стороны заявили в данном соглашении о необходимости строить свои отношения на основе «пяти принципов мирного сосуществования» («панча шила»)¹. Соглашение 1954 г. открыло новый этап в китайско-индийском взаимодействии. Между странами начался активный культурный и научный обмен, выросли показатели торгового сотрудничества, стороны оказали взаимную поддержку и выступили единым фронтом по ряду острых вопросов мировой политики. Тем не менее, со временем стали активизироваться противоречия двух стран по тибетскому вопросу и пограничной проблеме. Индия рассматривала политику КНР как излишне жесткую и тоталитарную в отношении тибетского населения и периодически поднимала тибетский вопрос в переговорах с китайским правительством, что воспринималось Китаем как однозначное вмешательство во внутренние дела. Особенно острыми стали разногласия сторон по данному вопросу после подавления Народно-освободительной армией Китая (НОАК) беспорядков в Тибете в марте 1959 г. и бегства Далай-ламы в Индию.

Не менее беспокоящей проблемой в двусторонних отношениях стал пограничный вопрос. Дж. Неру не признавал наличия территориально-пограничного спора с КНР, в то время как китайская сторона заявила прямо об этом в 1959 г. Попытки дипломатического разрешения пограничной проблемы окончились неудачей. С августа 1959 г. на китайско-индийской границе стали происходить инциденты с человеческими жертвами с обеих сторон. В итоге крупнейшие государства Азии, исчерпав все средства мирного урегулирования пограничной проблемы, прибегли в октябре 1962 г. к войне, победителем из которой вышла китайская сторона. С этого времени между странами началась затяжная «холодная война».

Взаимоотношения двух «азиатских гигантов» влияли на отношения каждого из них с соседними странами, которые в свою очередь должны были решить для себя, чью сторону занять в ходе эскалации китайско-индийского пограничного конфликта. В этом контексте представляют интерес отношения КНР с двумя формально независимыми, но имеющими тесные связи с Индией гималайскими монархиями — Сиккимом и Бутаном. Таким образом, целью данной статьи является анализ политики КНР в отношении двух указанных государств в контексте нарастающего конфликта с Индией.

Заявленная цель продиктовала и отдельные задачи исследования. Основной из них было выявить изменения в китайской позиции по поводу «особого статуса» (протектораты Индии) Бутана и Сиккима на фоне постепенного роста напряженности в китайско-индийских отношениях. Кроме того, автор ставил задачу проанализировать военно-стратегическое значение рассматриваемых стран для КНР накануне и в ходе пограничной войны с Индией. Таким образом, в данной статье гималайские монархии выступают объектами внешнеполитической активности КНР,

¹ Они заключаются: 1) во взаимном уважении территориальной целостности и суверенитета; 2) во взаимном ненападении; 3) в невмешательстве во внутренние дела друг друга; 4) в равенстве и взаимовыгоде; 5) в мирном сосуществовании.

характер и степень интенсивности которой напрямую зависели от ряда факторов, основным из которых был, безусловно, индийский.

Хронологические рамки статьи выбраны также не случайно и отражают убеждение автора, что позиция Китая в отношении Бутана и Сиккима менялась в прямой зависимости от динамики китайско-индийского взаимодействия. На протяжении 1950-х годов руководство КНР признавало контроль Индии над указанными государствами. Тем не менее, уже в 1960 г. Китай стал предпринимать дипломатические усилия по налаживанию прямого диалога с гималайскими монархиями в обход Индии.

Основными источниками для данной статьи стали так называемые Белые книги индийского правительства, в которых собрана китайско-индийская дипломатическая переписка в рассматриваемые годы, публикации газеты «Жэньминь жибао» и сообщения информагентства «Синьхуа».

Кроме этого, для выполнения заявленных в статье задач автор использовал работы таких исследователей, как Л. Е. Роуз [1], К. Раджеш [2], Т. Пулоз [3] и др. В работах указанных авторов преимущественно изучаются индо-сиккимские и индо-бутанские отношения, а КНР в этой связи рассматривается как один из факторов формирования этих отношений. В данной статье автор стремился в центр исследования поставить именно КНР и ее взгляд на «особые отношения» Индии с гималайскими монархиями.

* * *

После провозглашения в 1947 г. независимости Индии индийскому руководству удалось за два года достигнуть договоренности с гималайскими монархиями, прежде всего с Бутаном и Сиккимом, об их особом статусе по отношению к правительству Дж. Неру. В частности, в соответствии с индо-сиккимским соглашением 1947 г. Сикким стал протекторатом Индии с правом индийского руководства контролировать его внешнюю политику, оборону и связь, а Королевство Бутан по индо-бутанскому соглашению 1949 г. признало обязанность координировать с правительством Дж. Неру свою внешнюю политику и импорт вооружения.

Китайское руководство поначалу негативно восприняло подписание Индией указанных договоров с Бутаном и Сиккимом. Китайская пресса призывала даже вынести вопрос отношений Индии с гималайскими монархиями на рассмотрение ООН. «Правительство Неру не имеет никаких полномочий на объявление какого-либо государства своим протекторатом», — заявляла газета «Жэньминь жибао» после подписания Индией договора с Бутаном в августе 1949 г. [4].

В 1950 г. началась Корейская война. В том же году операция по «освобождению» Тибета вступила в активную фазу. В складывавшейся сложной военно-политической обстановке китайскому руководству было невыгодно противостояние с соседними странами. В целях налаживания мирных и стабильных отношений с Республикой Индия китайская сторона прекратила критику правительства Дж. Неру за его «экспансионистский» курс по отношению к гималайским монархиям. На протяжении 1950-х годов руководство КНР регулярно подчеркивало, что учитывает особые отношения двух рассматриваемых государств с Индией и не пытается устанавливать какие-либо контакты с ними в обход правительства Дж. Неру.

В 1954 г. произошел первый зафиксированный документально инцидент на китайско-индийской границе в Бара Хоти (кит. Ужэ). С середины 1950-х годов стало разворачиваться сопротивление тибетцев китайской администрации. Так как в 1954 г. стороны заключили Соглашение, в котором была зафиксирована договоренность о налаживании двусторонних отношений на основе «пяти принципов мирного сосуществования», руководство КНР воздержалось от обнародования сведений об указанном инциденте и о возможном подстрекательстве тибетцев со стороны Индии.

Вместе с тем в китайской прессе в 1955 г. появилось сообщение об осуществлении антикитайской пропаганды в среде тибетцев со стороны западных миссионеров, якобы действующих на территории Бутана и Сиккима. Кроме этого, Сикким с Бутаном использовались, по информации из данного сообщения, как перевалочный пункт для заброски «антикитайских элементов» в Тибет [5].

Таким образом, исходя из данного сообщения, китайские власти рассматривали гималайские монархии в середине 1950-х годов как источники угроз государственной безопасности КНР, что должно было стать тревожным сигналом для Индии, осуществлявшей широкий контроль над внутренней и внешней политикой этих стран. Тем не менее, индийская сторона, насколько известно автору, никак не прокомментировала данное сообщение «Синьхуа».

Частично опасения китайской стороны, что Сикким и Бутан могут стать плацдармом для подготовки отрядов тибетских сепаратистов, были обоснованы: большинство населения указанных стран исповедует буддизм, и потому недовольство, выказанное частью тибетцев китайским властям после «освобождения» Китая Тибета, нашло сочувствие не только среди жителей Сиккима и Бутана, но даже среди представителей политической элиты гималайских монархий.

Так, в апреле 1959 г., сразу после мартовских беспорядков в Тибете и бегства Далай-ламы из Лхасы, руководитель Сиккима (чогьял) во время визита в Японию заявил, что собирается создать «фонд помощи тибетцам». Со слов чогьяла, приведенных в сообщении «Синьхуа», «КПК присвоила имущество религиозных учреждений» Тибета, «нарушила буддистские законы», «не пощадила даже женщин и детей». Сиккимский монарх предложил также Далай-ламе политическое убежище в своей стране.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сообщении «Синьхуа», в котором была приведена речь чогьяла Сиккима, такое отношение принца к тибетской проблеме объясняется авторами статьи тесными отношениями с Индией [6]. Впервые китайская сторона указала на негативное влияние, оказываемое Индией на сиккимскую внешнюю политику. С этих пор любые направленные, по мнению китайского руководства, против КНР высказывания и действия руководителей гималайских монархий трактовались Китаем как сделанные под давлением Индии. В том же ключе, например, интерпретировалась встреча чогьяла с Далай-ламой в Миссури 10 мая 1959 г.

Вместе с тем Китай не оспаривал контроль Индии над рассматриваемыми странами, что следует из китайско-индийской дипломатической переписки по пограничной проблеме.

Что касается Сиккима, то Китай не имел официальных территориальных претензий к этому государству, так как признал англо-китайский договор 1890 г. по раз-

граничению с княжеством. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в указанном договоре был применен принцип водораздела, к которому апеллировала Индия и который в то же время отвергался китайской стороной во время двухсторонних пограничных переговоров.

С Бутаном дело обстояло иначе. Еще на картах, изданных в первой половине 1950-х годов, можно было заметить, что китайская сторона изобразила границу с Бутаном вразрез с представлениями индийского правительства, протест в отношении чего был выражен 21 августа 1958 г. в ноте Республики Индия в МИД КНР. В ней индийская сторона требовала объяснить, почему в 95-м выпуске журнала «Чайна пикториал» от июля 1958 г. была напечатана карта, на которой в китайскую территорию были включены весь район Ташиган и часть территории на Северо-Западе Бутана [7].

В ответной ноте китайского правительства от 3 ноября 1958 г. и ответном письме Чжоу Энляя от 23 января 1959 г. было заявлено, что китайское правительство еще не изучало пограничный вопрос с Индией, который, безусловно, существует, и пока не направляло специалистов для проведения исследования спорных территорий, поэтому оно не может выпускать новые карты, и вынуждено руководствоваться картами, изданными до 1949 г. [7].

Из этого следует, что Китай воспринимал Бутан в 1958–1959 гг., в период нарастания конфликта с Индией, как часть индийской территории и готов был обсуждать пограничный вопрос с индийским руководством. В противном случае руководители КНР могли заявить, что не желают обсуждать спорные участки китайско-бутанской границы с третьей страной. Это автоматически означало бы непризнание Китаем индо-бутанского договора 8 августа 1949 г. о контроле Индии над внешней политикой королевства. Такое развитие событий могло сильно осложнить китайско-индийские отношения на данном этапе.

Вместе с тем, китайские пограничные патрули регулярно пересекали признаваемую не только Бутаном, но и Сиккимом пограничную линию с Тибетом. Кроме этого, китайцы при полном попустительстве Индии заняли восемь анклавов в восточной части Тибета, находившиеся с XVII в. под управлением бутанского правительства. Бутанские чиновники были полностью выдворены с их территорий.

В этой связи неудивительно, что политическая элита обеих стран выступала за усиление сотрудничества с Индией в деле укрепления северных границ. Например, сиккимский лидер дважды по собственной инициативе посещал Индию (в 1959 и 1960 гг.²) в целях координации усилий по защите северной границы протектората [1, р. 40]. А Бутан в 1961 г. подписал с Индией Совместное соглашение об обороне, по которому на территории этой страны был размещен контингент индийских войск [2, р. 176].

Однако надо отметить, что лидеры Бутана и Сиккима нередко пытались сыграть на китайско-индийских противоречиях и получить тем самым большую независимость от Индии, вынудив ее при этом вкладывать больше средств в свои экономики.

Видимо, именно исходя из этих соображений представители бутанских правящих кругов делали заявления о готовности войти в прямой контакт с китайской стороной. Так, бутанский монарх заявил 30 января 1961 г.: «Бутан — суверенная и не-

² Во время своего второго визита в ноябре 1960 г. глава Сиккима принц Палден Тондап предложил Дели помочь в создании отдельного сиккимского батальона [1, р. 40].

зависимая страна. И если Бутан пожелает, то он может вести прямые переговоры с Китаем» [3, р. 205]. Тем не менее, под давлением Индии данные установки так и не были закреплены во внешнеполитическом курсе рассматриваемых стран.

В первое время после эскалации тибетского вопроса и пограничного конфликта в китайско-индийских отношениях китайское руководство не отказывалось от курса на признание «особых отношений» Индии с гималайскими монархиями. Так, когда с 1959 г. стали появляться ноты протеста индийского правительства о притеснениях индийских граждан в Тибете, включая граждан Бутана и Сиккима [7], Китай не отказался обсуждать данный вопрос в отношении бутанцев и сиккимцев, дав этим понять, что он признает контроль Индии над внешней политикой указанных государств.

Аналогичной позиции придерживалось китайское правительство, когда Индия потребовала восстановления контроля Бутана над анклавом около Кайлаша — священного для паломников Индии места, доступ к которому был закрыт для иностранцев в 1960 г. [7]. На пресс-конференции 25 апреля 1960 г., комментируя указанную проблему, Чжоу Эньлай заявил, что Китай «не имеет требований к Бутану и между сторонами нет спора... китайское правительство... глубоко уважает существующие отношения Индии с Сиккимом и Бутаном» [8, с. 280].

Однако по мере углубления китайско-индийских противоречий позиция Китая стала меняться. Первые тревожные сигналы стали появляться уже в 1960 г. Так, например, в сборнике речей Чжоу Эньлая за 1960 г. под названием «Победа пяти принципов мирного сосуществования», составленном по результатам поездки главы правительства КНР по ряду стран Южной и Юго-Восточной Азии, была напечатана карта, где Бутан был закрашен цветом, который обозначал «страны, действующие совместно с социалистическими государствами». Кроме этого, по словам бутанского премьер-министра, китайское руководство предложило ему в 1961 г. провести прямые переговоры о границе, заключить дипломатические отношения и предоставить Бутану крупную экономическую помощь [9, р. 321].

Китайская группа экспертов на переговорах по границе после апрельской встречи Чжоу Эньлая и Дж. Неру в 1960 г. была против включения в окончательный вариант отчета тех вопросов, которые касались границ с Бутаном и Сиккимом.

Примерно в этот же период китайские руководители предложили некоторым политикам Сиккима создать Конфедерацию гималайских государств [10, р. 72]. И хотя данный факт не имеет документального подтверждения, достаточно четко обозначилась перемена в политике Пекина на признание «особого» статуса Бутана и Сиккима по отношению к Индии.

Особый интерес Китая к гималайским монархиям и изменение его отношения к их политическому статусу в начале 1960-х годов могли быть вызваны соображениями военно-стратегического характера [11, р. 61]. Особенно это проявилось в отношении Сиккима, через территорию которого открывается прямой путь в уязвимый для безопасности Индии район коридора Силигури, ведущего вглубь индийской территории. К октябрю 1961 г. китайцы установили двенадцать пограничных постов вдоль границы с Сиккимом [11, р. 61], что указывало на стратегическую важность китайско-сиккимского пограничного участка для КНР.

Неудивительно, что Китай проводил активную разведку сиккимской территории. Так, к апрелю 1962 г. Индия направила пять нот протеста о нарушении КНР воздушного пространства над Сиккимом [12].

Вместе с тем, несмотря на концентрацию военных формирований на границе с гималайскими монархиями, как с китайской, так и с индийской стороны, столкновений в период китайско-индийской пограничной войны октября — ноября 1962 г. на участке китайско-бутанской и китайско-сиккимской границы зафиксировано не было.

Таким образом, в начале 1960-х годов руководство КНР стало отходить от своей позиции на признание контроля Индии над гималайскими монархиями и предпринимать усилия по их изоляции от Индии. Учитывая уязвимое положение Индии в районе южнее этих монархий (так называемый Силигурийский коридор), нетрудно догадаться, что проникновение китайского влияния в Бутан и тем более в Сикким болезненно воспринималось в Индии и вело лишь к дальнейшему обострению пограничного конфликта между двумя крупнейшими азиатскими державами.

Литература

1. *Rose L. E.* India and Sikkim: Redefining the Relationship // *Pacific Affairs*. 1969. Vol. 42. Spring, N 1. P. 32–46.
2. *Rajesh K.* Bhutan's security scenario // *Contemporary South Asia*. 2004. Vol. 13. 2. P. 171–185.
3. *Poulose T. T.* Bhutan's External Relations and India // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1971. Vol. 20. Apr., N 2. P. 195–212.
4. *Ke Sijing.* Nihelu zhengfu bianbudao tongbing Xizang de yinmou // *Renmin ribao*. Beijing, 07.09.1949 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=20 (дата обращения: 24.01.2011).
5. Niboer he Xizan gzhengfu caiqu cuoshi xianzhi waiguoren zai tong Zhongguo pilin diqu // *Xinhuashe*. Beijing, 03.07.1955 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=1428 (дата обращения: 23.01.2011).
6. *Renminribao*. Beijing, 24.04.1959 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=2563 (дата обращения: 24.01.2011).
7. Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China 1954 – 1959 // WHITE PAPER I (1954–1959). Ministry of External Affairs, Government of India. Extracts. P. 51. URL: http://www.claudearpi.net/maintenance/uploaded_pics/WhitePaper1.pdf (дата обращения: 27.01.2011).
8. *Zhou Enlai waijiao xuanji*. Beijing, 1990.
9. *McLane C. B.* Chinese Words and Chinese Actions // *International Journal*. 1963. Vol. 18. Summer, N 3. P. 310–326.
10. The Sino-Indian Border Dispute // Section 2 (1959–1961) of the CIA working paper. 19 August 1963. Approved for release in May 2007. P. 72.
11. *Sihna P. B., Athale A. A.* History of the Conflict with China, 1962. New Delhi: History Division of the Ministry of Defence, Government of India, 1992. 474 p.
12. *Xinhua*. Beijing, 14.04.1962. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=4427 (дата обращения: 24.01.2011).

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Николаев Павел Петрович — аспирант; dao4000@mail.ru

Nikolaev Pavel P. — Post graduate student; dao4000@mail.ru